

Кольцо с тремя амурами

Автор:

Анна Князева

Кольцо с тремя амурами

Анна Князева

Детектив с таинственной историей

Провести отпуск в засекреченном городе, бережно хранящем свои мрачные тайны, – что может быть увлекательнее? Согласившись подменить знакомую, работавшую костюмером в местном театре, Дайнека даже не представляла, какие страсти кипят в мире пыльных кулис и старых декораций! Найдя среди реквизита вещи пропавшей тридцать лет назад девушки, Дайнека испытала страх и азарт одновременно – она никак не ожидала, что это заурядное на первый взгляд событие всколыхнет устоявшуюся спокойную жизнь городка и заставит свидетелей той давней истории вновь воскресить в памяти то, о чем все они предпочли забыть... Потянув за тонкую ниточку, Дайнека шаг за шагом бесстрашно приближалась к развязке, не только раскрыв старое убийство, но и обнаружив следы грандиозной аферы, связанной с похищением несметных сокровищ из крупнейших музеев страны, – они вели именно сюда, в подземные бункеры закрытого города...

Анна Князева

Кольцо с тремя амурами

Фотоколлаж на обложке Ф.Барбышева

© Князева А., 2014

* * *

Пролог

– Я ничего не вижу.

– Осторожно, здесь ступенька...

– Куда мы идем?

– Сейчас увидишь.

– «А каково сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить».

– Слова из твоей роли?

– Да. Сегодня на репетиции я их забыла.

– Скажи еще что-нибудь.

– Вот, например... «Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят. Уставилась на жениха, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья полились. Жалко мне ее стало, подошла я к ней, чтобы разговорить да увести поскорее. И сама-то плачу...» Здесь очень темно!

– «Здесь очень темно» – отсебятина.

– Нет, правда, я ничего не вижу... У меня в сумочке спички.

– Не надо спичек. Дай руку.

– Уже пришли?

– Дай руку!

– Вот она... Как смешно. Я правда не вижу, куда...

– Это дверь.

– Где?

– Здесь. Дай мне руку, я тебя проведу.

– Ой!

– Что?

– Споткнулась.

– Осторожней, еще немного... Видишь, это уже я.

– Пожалуйста...

– Что?

– Руку больно!

– Тише...

– Мне больно!

– Зачем так кричать?

– Ма-а-ама-а-а!

– Ти-и-ише...

В темноте прозвучал коротенький вздох, зажглась спичка, и вдруг что-то хрястнуло, как будто раскололся большой арбуз.

– Вот и все. Как там по роли? Прощай навек?.. Ну так прощай.

Глава 1. Отпуск в Железноборске

В день, когда Дайнека получила университетский диплом, она купила билет и вечером улетела. По прибытии в Красноярск взяла такси и в половине шестого уже была у матери.

– Вот! – она протянула диплом.

Людмила Николаевна сонно прищурилась, потом обняла дочь.

– Поздравляю!

Дайнека спохватилась:

– Прости, что так рано.

– Ничего, – Людмила Николаевна показала на дорожную сумку. – За нами скоро приедут.

Дайнека опустилась на стул.

– Кто?..

– Такси.

– Зачем?

– Мы едем в гости к моей школьной подруге. У нее свой дом на берегу Железноборского озера. Она давно меня приглашала, но я не решалась. Что ни говори, инвалид-колясочник – обуза для непривычного человека. С тобой будет проще. Так что вещи не разбирай. Надежда заказала для нас пропуска. Железноборск – город режимный.

Людмила Николаевна подъехала к зеркалу, развязала платок, стала снимать бигуди и складывать себе на колени. Дайнека глядела на нее и думала, что мать по-прежнему живет своими желаниями и ни с кем не собирается их согласовывать. Вздыхнув, она взяла сумку и отнесла к выходу, убеждая себя в том, что приехала, чтобы побыть с матерью, а где, особого значения не имеет.

Про Железноборск Дайнека знала лишь то, что он находится в шестидесяти километрах от Красноярска. С одной стороны город окружен лесистыми сопками, с другой – болотами и лугами, которые протянулись до самого Енисея. Однажды ей пришлось там побывать, но визит имел быстротечный и экстраординарный характер[1 - Подробности в книге «Подвеска Кончиты».]

Секретный город Железноборск поддерживал оборонную мощь страны и был отрезан от мира тремя рядами колючей проволоки. Выехать из него можно было свободно, а вот заехать – только по специальному разрешению.

За час они с матерью добрались до железноборского КПП[2 - Контрольно-пропускной пункт.], предъявили паспорта и прошли через механический турникет. То есть Дайнека прошла, а Людмила Николаевна проехала в инвалидной коляске. На той стороне «границы» их ожидала другая машина, поскольку чужие автомобили, в том числе такси, в город не пропускали.

По дороге мать рассказала, что Надежда Кораблева, ее подруга, никогда не была замужем и осталась бездетной. Их общее детство казалось ей самой счастливой порой жизни. Теперь подругам предстояли долгие разговоры о том золотом времени. И хотя относительно прошлого Людмила Николаевна придерживалась иной точки зрения, она не отказалась провести небольшой отпуск на берегу красивого озера.

Дом, возле которого остановилось такси, выглядел основательно: два каменных этажа с цоколем. Вокруг – обширный участок с маленьким огородом. Плодовые деревья, баня, малинник...

Выбравшись из машины, Людмила Николаевна пересела в коляску. С крыльца сбежала статная дородная женщина и кинулась обниматься:

– Людочка... Мы уже заждались!

– Здравствуй, Надя. Это моя дочь! – По лицу матери было видно, что она гордится Дайнекой.

Из дома вышла мать Надежды, Мария Егоровна, кругленькая старушка с «перманентом» и вставными зубами. Она с трудом спустилась по лестнице, притронулась к пояснице и пожаловалась:

– Совсем замучил радикулит. Ни согнуться, ни разогнуться... Здравствуй, Люда. Какая у тебя взрослая дочь!

Людмила Николаевна похвасталась:

– Вчера получила университетский диплом!

Осмотрев дом и определившись, где они будут жить, Дайнека провезла мать по участку. Надежда с увлечением рассказывала про свои садовые достижения:

– Здесь у меня розы. Все удивляются, говорят, в Сибири они не растут. Растут! Да еще как!

– А это что? – Людмила Николаевна показала на тонкое деревце.

– Вишня.

– Неужели плодоносит? – из вежливости спросила Дайнека.

– Осенью полведра соберу!

Дайнека потрогала тоненький ствол, удивляясь, как этот прутик сможет произвести полведра вишни.

– Надя! Надя! – позвала из окна Мария Егоровна. – Хватит уже! Идите обедать!

За столом старуха не умолкала ни на минуту. Она сообщила, что сейчас находится на больничном, но вообще-то до сих пор работает костюмершей в городском Доме культуры. А муж ее, Витольд Николаевич, лечится в санатории. И не преминула добавить: в прошлом он работал на высокой должности в Комитете госбезопасности.

После обеда мать легла отдохнуть, а Дайнека отправилась к озеру. В холодной воде еще никто не купался, но загорающих на пляже было полно. Она скинула платье и зашла в озеро по грудь, потом оттолкнулась и поплыла. Солнце слегка нагрело поверхность, но в глубине, куда все время попадали коленки, был ледяной холод. Проплыв метров тридцать, Дайнека развернулась и направилась к берегу. Увлеченные примером, там, по колено в воде, уже стояли несколько человек.

Она ступила на берег, прошлась по песку и ощутила всю прелесть предстоящего отдыха. Нежданно-негаданно Дайнека получила то, о чем мечтала давно: тихий отпуск вдали от шумного города.

Чуть обсохнув, она подняла платье и, стряхнув песок, натянула его на себя. На противоположном берегу озера тоже был пляж, за ним – парк, еще дальше стояли многоэтажные жилые дома. Дайнека добралась до автобусной остановки и села в первый подошедший маршрут. Через пятнадцать минут сошла в центре города. Впрочем, Железнодорожск был так мал, что его целиком можно было назвать одним центром или одной окраиной, кому как понравится.

На центральной площади стоял памятник Ленину и городской Дом культуры с шестью колоннами и внушительным портиком. За ним виднелись лесистые сопки и тайга – на тысячи километров.

По главной улице Дайнека дошла до парка, который соорудили из куска дикой тайги. Вековые сосны соседствовали здесь с прямыми аллеями, цветочными клумбами и гипсовыми спортсменами. Ей достаточно было совсем немного прогуляться по тропке среди деревьев, чтобы захотеть вернуться сюда с матерью. После этого Дайнека снова села в автобус и вернулась к дому Надежды. Во дворе она столкнулась с Марией Егоровной. Ее лицо казалось заплаканным и немного опухшим.

Дайнека встревожилась:

– Что-нибудь с мамой?

– С ней все в порядке, – вздохнув, старуха склонила голову. – А вот меня увольняют с работы.

– За что?

Из дому вышла Надежда, поставила на скамейку тазик с бельем и сообщила:

– В костюмерном цехе проходит инвентаризация. В Доме культуры начинают ремонт. Костюмеров всего двое. Сегодня позвонила начальница: или выходи, или увольняйся. А как она выйдет с радикулитом?..

Дайнека, не раздумывая, сказала:

– Есть один вариант.

– Какой? – поинтересовалась Надежда.

– Кем-нибудь заменить.

– Некем! – Старуха насухо вытерла слезы. – Видно и вправду увольняться пора. – Она уронила руки. – Но как же я без работы...

– Возьмешь лейку и пойдешь поливать огурцы, как все нормальные бабки, – сказала дочь.

– У всех нормальных бабок есть внуки, – Мария Егоровна отвернулась, словно опасаясь нарваться на неприятности, но все же добавила: – И даже правнуки. А у меня никого нет.

– Ну, вот что! – вмешалась Дайнека. – Я могу пойти вместо вас.

– Куда? – не поняла Мария Егоровна.

– На вашу работу.

– Да ты, наверное, иголки в руках не держала.

– Держала, – на крыльцо выкатилась в коляске Дайнекина мать. – Я сама ее шить научила.

Мария Егоровна растерянно взглянула на дочь.

– А что, – промолвила Надя. – Это хороший выход.

Глава 2. Костюмерша

Следующим утром Дайнека вышла из дому и уверенно направилась к автобусной остановке. В сумочке у нее лежал пластмассовый контейнер с обедом, который приготовила Мария Егоровна, и серый халат, без которого, по уверениям старухи, работать было нельзя. Автобус вновь обогнул озеро и доставил ее к городскому Дому культуры.

У служебного входа стояла женщина с высокой старомодной прической. По серому халату Дайнека узнала в ней коллегу по цеху.

– Валентина Михайловна?

Женщина свела к переносице белесые бровки.

– Людмила Дайнека?

– Я, – кивнула она.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

Валентина Михайловна сказала вахтеру:

– Иван Васильевич, девушка – со мной. Пропустите.

Старик что-то записал в огромный журнал.

Вслед за начальницей Дайнека поднялась по мраморной лестнице. Из нарядного кулуара с окрашенными под малахит колоннами они свернули в коридор. Потом двинулись какими-то переходами, спускались и поднимались по узким лестницам, открывали тяжелые противопожарные двери и наконец оказались за сценой, где располагалось хранилище костюмерного цеха.

Валентина Михайловна отомкнула висячий замок на двустворчатой металлической двери, вынула его из проушин и зашла внутрь.

Сунув туда нос, Дайнека ощутила волнующий запах. Позже она узнала: так пахнет грим, пыльные ткани, вошенная краска с папье-маше и старая обувь, в которой танцевала не одна пара ног. Но в тот первый момент ей показалось, что так пахнет тайна.

Большую часть хранилища занимали двухэтажные вешала, полностью заполненные сценическими костюмами. У окна стоял письменный стол. Все остальное пространство заполнили фанерные сундуки и деревянные ящики.

Валентина Михайловна критически оглядела Дайнеку и спросила:

– Халат у тебя есть?

Девушка скинула курточку, достала халат и быстро его надела.

– Будешь разбирать сундуки с реквизитом и обувью и записывать инвентарные номера. Работы много. Не вовремя заболела Мария Егоровна. – Начальница села за письменный стол. – Вот инвентаризационная ведомость. Здесь пишешь наименование, в этой графе – номер.

– А где все это взять? – поинтересовалась Дайнека.

Валентина Михайловна подняла глаза и выразительно помолчала. Потом обронила:

– Все в сундуках. – Она встала, подошла к ящику и ткнула пальцем в черную надпись. – Номер. Записываешь его в самом верху. – Со стуком откинула крышку и достала из ящика пару черных сапог. Показала подошвы. – Видишь цифры? Это инвентарный номер, вносишь в графу.

– Наименование там же искать?

– Зачем? – не поняла Валентина Михайловна.

– Чтоб записать...

Начальница устало вздохнула и, выставив перед собой сапоги, задала наводящий вопрос:

– Что это?

– Сапоги, – уверенно ответила Дайнека.

– Какого они цвета?

– Черного!

Валентина Михайловна взяла шариковую ручку и, проговаривая каждое слово, записала в инвентаризационной ведомости:

– Сапоги черные... Инвентарный номер сорок два, тире, двадцать три, сорок четыре.

– Все поняла! – Дайнека с готовностью потянулась к ящику. – С этого начинать?

– С этого, – сказала Валентина Михайловна. – По одной вещи выкладываешь и пишешь, потом все аккуратно возвращаешь на место.

Приступив к работе, Дайнека поняла, что Валентина Михайловна – жуткая аккуратистка. Все предметы и обувь лежали в ящике идеально, и у нее не было уверенности, что, записав инвентарные номера, она сможет восстановить этот идеальный порядок.

Тем не менее до конца рабочего дня ей удалось перебрать целых три ящика и не получить ни одного замечания. Немного понаблюдав за Дайнекой, Валентина Михайловна успокоилась и больше не подходила.

В половине шестого, когда до конца рабочего дня осталось тридцать минут, Дайнека открыла большой фанерный сундук. В нем хранился сценический реквизит: жареный поросенок, яблоки, груши и огромный пирог, все – из папье-маше. Еще был кокошник с фальшивыми изумрудами, покрывало из старинного гобелена, резиновый виноград и ваза с вылинявшими поролоновыми цветами.

Под картиной в бронзовой раме Дайнека заметила уголок красного кожзаменителя. Заинтересовавшись, потянула его на себя и вытащила из ящика старомодную сумку. Оглядев ее, сообщила:

– Валентина Михайловна, на ней нет инвентарного номера.

– Дай. – Костюмерша взяла сумку, покрутила, потом сказала: – Пиши: сумка женская, «б» и «н».

– Что это значит?

– Без номера.

– А можно в нее заглянуть?

– Зачем тебе?

– Так...

– Ну, если так, загляни.

Дайнека расщелкнула замочек.

– Здесь деньги...

– Ну-ка, – Валентина Михайловна снова взяла сумочку и вынула десять рублей. – Надо же... Старый червонец. Ты, наверное, и не помнишь таких. А это что? – Она сунула руку в матерчатый карман и вытащила темно-красную книжечку. – Паспорт старого образца.

Дайнека придвинулась:

– Чей?

Начальница открыла паспорт и прочитала:

– Свиридова Елена Сергеевна, тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

Они стали разглядывать фотографию. На ней была хорошенькая блондинка с заколотыми вверх волосами. На вид – не больше семнадцати.

– Как он здесь оказался?

– Не знаю. Наверное, артистка из художественной самодеятельности положила, а потом забыла. Только что-то я не помню такой... – Валентина Михайловна порылась в сумочке, достала спичечный коробок, смятый платок и губную помаду фабрики «Рассвет».

– У меня в молодости такая была. Странно... Давай проверим прописку. – Она полистала паспорт. – Улица Ленина, дом восемнадцать, квартира тридцать четыре. Наша, городская, нужно бы занести...

Дайнека вернулась к ящику, но Валентина Михайловна посмотрела на часы и сказала:

– Можешь идти домой.

Дайнека засомневалась.

– До конца рабочего дня пятнадцать минут...

– Ну и что?

– Вам надо помочь...

– Завтра поможешь. – Костюмерша протянула ей паспорт. – А сейчас иди по этому адресу и отдай. Все-таки документ.

Дайнека взяла паспорт, сняла халат и вышла из костюмерной. Пройдя мимо запасника, где хранились ненужные декорации, спустилась по лестнице и направилась к служебному выходу.

– Стой! – Вахтерша Дома культуры преградила ей путь. – Кто такая?

– Людмила Дайнека.

– Здесь что делаешь?

– В костюмерном цехе бабушка заболела. Я вместо нее.

– Марии Егоровне давно пора на покой. Да кто ж сюда за такие деньги пойдет?..

– Ну, я же пошла.

– Не наша? Не городская?

Дайнека неохотно созналась:

– Приехала из Москвы.

– На каникулы?

– К матери в гости.

– Мать-то наша хоть, городская?

– Нет, она живет в Красноярске.

– Чего ж ты, девка, в Железноборске забыла?

– Мама здесь у подружки школьной гостит, в доме на озере.

– Значит, Мария Егоровна, наш костюмер, подруга твоей матери?

– Нет. Она мать подруги, – объяснила Дайнека.

Старуха пожала плечами.

– До конца рабочего дня еще десять минут.

Дайнека решила прекратить бесцеремонный допрос.

– Во-первых, утром вахтер все записал в журнал. Во-вторых, я не оформлена. Помогаю на добровольных началах.

– Тогда пусть напишут приказ и заверят его у директора. Без приказа больше не пропущу.

– У вас с этим строго, – ухмыльнулась Дайнека. – Скажите, а где здесь улица Ленина?

– Как выйдешь, сразу налево.

– Спасибо.

Она вышла через служебную дверь, свернула налево, по диагонали пересекла площадь и оказалась у «сталинки» под номером двадцать четыре.

Восемнадцатый был в двух шагах...

Глава 3. Поиск начинается

Сидящие на лавочке старухи проводили Дайнеку любопытными взглядами. Она прошла мимо них и свернула в третий подъезд. Тридцать четвертая квартира располагалась на первом этаже. Дайнека постучалась в деревянную дверь, но никто не ответил. Она выждала, стукнула еще несколько раз и направилась к выходу.

– Ищешь кого? – спросила старуха в вязаной шляпке.

Дайнека раскрыла паспорт и прочитала:

– Свиридову Елену Сергеевну тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

– У нас таких нет.

Первую старуху перебила вторая, в пестром платке:

– Как, говоришь, фамилия?

– Свиридова.

– Аленка? Не та ли, что потерялась?

Старухи притихли, что-то припоминая.

– Ну... Это когда было, – протянула та, что в вязаной шляпке.

– Вы не знаете, где она теперь проживает? – спросила Дайнека.

– У-у-у-у, милая, этого теперь никто не знает.

– Пропала она, – вмешалась та, что в платке.

– Как пропала?... – растерялась Дайнека. – Давно?

– Лет тридцать назад. – Старуха в задумчивости приложила руку к щеке. – Мы приехали в этот дом в восемьдесят втором. Года через два эта девица из тридцать четвертой пропала. Выходит – в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом. Аккурат – тридцать лет.

– Ее не нашли?

– Нет. Не нашли. Года через три ее мать переехала.

– Как же так... – Дайнека показала найденный документ. – Вот и паспорт ее нашелся...

– Паспорт – что? Бумажка, – глубокомысленно произнесла старуха. – Человека найти сложнее.

Обе уставились на Дайнеку, словно ожидая от нее каких-нибудь новостей.

Она скомканно попрощалась, но тут же спросила:

– А где здесь полиция?

– Это – у кладбища. Лучше езжай на автобусе. Пешком далеко.

Дайнека покинула двор, прошла немного по улице, встала на обочине и махнула рукой. Возле нее сразу остановилась машина, стекло опустилось, водитель спросил:

– Куда?

– В полицию.

Он потянулся, чтобы дернуть за ручку, и открыл перед ней дверцу:

– Садись, довезу.

Дайнека села и на всякий случай осведомилась:

– Сколько это будет стоить?

– Не обеднеешь, – заверил водитель, трогаясь с места. – Приезжая?

– А что, сильно заметно?

– Город маленький, все примелькались. Приезжих видно издалека.

Покосившись, Дайнека определила, что ему примерно столько же лет, сколько ей. Крепкий, симпатичный, темноволосый.

– Слава...

– Что?

– Меня зовут Вячеслав, – чуть громче сказал он.

– Меня – Дайнека. – Она приготовилась к тому, что он удивится: какое странное имя, и ей придется объяснять, что на самом деле это фамилия. Но он заговорил о другом:

– Зачем тебе в отделение?

– Чужой паспорт нашла. Нужно вернуть.

– Проще по адресу отнести.

– Только что заходила. Хозяйка паспорта потерялась, а мать переехала.

Он покосился на нее с любопытством и усмехнулся:

– Детектив, да и только...

Автомобиль свернул во двор пятиэтажного здания и остановился у центрального входа.

– Сколько? – Дайнека вынула кошелек.

– Да ладно! – отмахнулся Вячеслав. – Может, тебя подождать?

Она ответила очень категорично:

– Спасибо! Не надо.

– Тогда до свидания. – Он дождался, пока она выйдет, захлопнул дверцу и сразу уехал.

Дайнека поднялась по ступенькам, вошла в вестибюль и направилась к стеклянному ограждению с надписью «Дежурное отделение».

– Вот, – протянула паспорт.

– Что? – Дежурный офицер поднял глаза.

– Я нашла чужой паспорт.

Он забрал красную книжицу.

– Документ старого образца. Недействительный.

Дайнека отступила.

– Все равно заберите. Эта девушка потерялась.

– Откуда вам это известно?

– Соседи рассказали.

– По месту прописки? – Он снова раскрыл паспорт. – Ленина, восемнадцать, тридцать четыре?

– Да. Она пропала в середине восьмидесятых.

Дежурный присвистнул.

– Чего от меня хотите?

– Чтобы вы забрали ее паспорт и по возможности попытались найти.

– Не понял, – удивился дежурный офицер. – Кого я должен найти?

– Свиридову Елену Сергеевну тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

Он что-то набрал на клавиатуре компьютера, взглянул на монитор и сообщил:

– В апреле восемьдесят четвертого Свиридову Елену Сергеевну подали в розыск. Уголовного дела не заводили. Отказ о возбуждении подписан лейтенантом Труфановым.

Дайнека выдохнула и с облегчением улыбнулась.

– Уголовное дело не завели, значит, нашли?

– Нет.

– Тогда почему?

– Потому что не было оснований для возбуждения. Скорей всего, Свиридова куда-то уехала.

– Как же так... – Дайнека заволновалась. – А если ее убили? Или похитили?

– Послушайте, прошло тридцать лет. Срок давности для пропавших – пятнадцать. Чего вы хотите?

К окошку подошел мужчина в полицейском мундире, слегка оттеснил Дайнеку и спросил у дежурного:

– Труфанова Василия Дмитриевича не видел?

– Он в триста восьмом у оперативников. Во всяком случае, был десять минут назад, – ответил дежурный.

Мужчина широко зашагал к лестнице.

Дайнека спросила:

– Труфанов Василий Дмитриевич – тот самый?

– В каком смысле?

– Это он подписал отказ о возбуждении дела?

– Он. И если у вас все, не мешайте работать.

– У меня все, – поспешно сообщила Дайнека и побежала вслед за мужчиной в полицейском мундире.

Догнала его на втором этаже, вместе с ним поднялась на третий, прошла коридор и остановилась у кабинета под номером триста восемь. Мужчина вошел, она осталась за дверью. Постояв немного, заглянула внутрь:

– Здравствуйте!

Сидящие за столом офицеры повернулись в ее сторону и замолчали.

– Вам кого? – спросил самый крайний.

– Лейтенанта Труфанова. Василия Дмитриевича.

Навстречу встал пожилой офицер.

– Его нет, – усмехнулся он и пригладил усы.

– Неправда, – возмутилась Дайнека. – Дежурный сказал, что он здесь.

– Не веришь? – Офицер строго посмотрел на нее.

У Дайнеки вытянулось лицо. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы он не продолжил:

– Лейтенанта Труфанова нет, но есть полковник Труфанов. – Офицер протянул руку, и Дайнека неосознанно ее пожала. – Василий Дмитриевич. Тебя как зовут?

– Людмила Дайнека.

– Зачем я тебе нужен?

Потупив глаза, она прошептала:

– Есть одно дело.

Смеющимся взглядом полковник оглядел всех присутствующих и сказал только ей:

– Тогда идем в мой кабинет.

Он вышел, Дайнека – за ним. Они спустились на второй этаж, проследовали в конец коридора. Перед тем как зайти в кабинет, она прочитала на табличке, прикрученной к двери:

«Начальник Управления внутренних дел Труфанов В.Д.»

– Садись, – Василий Дмитриевич указал ей на стул, а сам опустился в свое кресло и положил руки на стол. – Прости, что на ты. Там в кабинете мне показалось, что ты совсем еще девочка.

– Это ничего. Так даже лучше. – Дайнека подала ему паспорт. – Вот! Сегодня нашла...

– Это и есть твое дело? – Он протянул руку и взял у нее документ. Раскрыл. – Интересно... – поднял глаза. – Где нашла?

– В костюмерной Дома культуры. Сначала я нашла сумочку, он лежал в ней.

Василий Дмитриевич уставился в паспорт, перелистал все страницы и положил его перед собой.

– Эта девушка пропала лет тридцать назад.

– В апреле восемьдесят четвертого, – уточнила Дайнека.

– Я помню. В начале апреля я приехал в Железнодорожный, и это было моим первым заданием...

– Почему вы отказали в возбуждении уголовного дела?

– Чтобы объяснить, нужно все рассказать.

– Ну, так расскажите.

Василий Дмитриевич положил руку на паспорт.

– Знаешь, теперь и мне интересно, что все это значит... – Он выдвинул ящик стола, достал сигареты, медленно закурил. – В город Железнодорожный я приехал в начале апреля тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года...

Глава 4. Следователь Василий Труфанов

Понедельник, 9 апреля 1984 года

В общежитие Василий Труфанов заселился сразу же, в день приезда. На работу вышел, как водится, в понедельник. Ему выдали ручку, карандаш и перекидной календарь. Когда он спросил про подставку, чтобы было на чем его перекидывать, завхоз ответила:

– На складе их нет, и когда привезут – неизвестно.

В кабинете уже сидели три человека. Его стол был четвертым и стоял рядом с эркером. Просидев пару часов без дела, Василий понял: если сдвинуть стул чуть левей и вытянуть шею, в окна эркера можно разглядеть перекресток и еще три двухэтажных здания-близнеца, таких же, как то, в котором сидел он. В одном находился Паспортный стол, в другом – Бюро пропусков, в третьем располагался Комитет государственной безопасности, а в четвертом, где работал Труфанов, – Управление внутренних дел Железноборска.

– Труфанов! – в кабинет заглянул лейтенант.

– Я!

– К начальнику следственного! Сейчас!

Василий выскочил в коридор, но потом быстро вернулся.

– А где он сидит?

– Напротив, – махнул рукой сослуживец.

Постучавшись, Труфанов заглянул в кабинет начальника следственного отдела.

– Вызывали?

– Заходи. – Майор протянул руку. – Виктор Николаевич Петров. Когда в город приехал?

– Неделю назад. Устроился в общежитии. Через год обещали квартиру.

– Где год – там и два, – нерадостно пошутил Виктор Николаевич. – Обещанного, как говорится, три года ждут...

На стол шлепнулась картонная папка, Труфанов заинтересованно покосился. Перехватив его взгляд, Петров пояснил:

– Твое первое дело.

– Убийство? – сурово спросил Василий.

Майор отмахнулся.

– Типун тебе на язык. У нас город тихий. Девушка пропала. Разберись, что там да как.

Труфанов раскрыл папку. В ней был только один лист – заявление матери.

– Когда это случилось?

– А ты почитай – там все написано.

– Могу идти?

– Давай, лейтенант, работай... И не слишком усердствуй. Наверняка с хахалем куда-нибудь укатила.

– Есть! – Труфанов козырнул и вышел из кабинета.

Первым делом лейтенант позвонил в приемный покой больницы, потом отправился на квартиру, где жила пропавшая девушка.

Он шел по улицам сибирского города и думал, что здешний апрель не такой, как в его родном Краснодаре. Там, дома, уже расцвел абрикос, дворы наполнились медовыми ароматами, и уже никто не носит пальто. Здесь же еще не растаял снег, а на асфальтовых пятачках уже прыгают девочки, гоняя по классикам свои битки. В лужах искрится солнце, прыгают мокрые воробьи и галдят вороны, радуясь приходу весны.

Когда Труфанов пришел по адресу, дверь открыла темноволосая женщина лет сорока.

– Екатерина Владимировна Свиридова здесь проживает?

– Это я. Вы из милиции? – Она отступила в прихожую. – Проходите.

Двухкомнатная квартирка была чисто убрана. Казалось, здесь никто не живет. Хозяйка пригласила Труфанова в комнату, где он вдруг вспомнил, что не представился и не показал документ.

– Следователь Труфанов, – Василий достал корочки.

– Прошу. – Женщина указала ему на диван.

Он огляделся.

– Мне бы туда, где можно писать.

– Тогда садитесь за стол.

Труфанов спрятал удостоверение, сел, достал ручку и положил перед собой лист бумаги.

– Приступим?

Екатерина Владимировна согласно кивнула.

– Расскажите, когда, где и при каких обстоятельствах пропала Елена Сергеевна. Когда в последний раз вы ее видели?

– В пятницу, шестого апреля дочь вернулась из школы...

– В каком часу?

– В четыре или в начале пятого.

– Одна?

– С подругой.

– Имя подруги?

– Ирина Маркелова.

– Они вместе учатся?

– Да, в одном классе.

– Адрес не назовете?

– Чей?

– Ирины Маркеловой.

Екатерина Владимировна прикрыла глаза рукой.

– Сначала я все расскажу.

Труфанов осекся:

– Да, конечно. Простите...

– Домой они пришли в начале пятого. Ирина сразу ушла, Алена стала собираться на репетицию.

Василий отвлекся от протокола:

– Вы же сказали, она школьница.

– Алена учится в десятом классе девяносто девятой школы, а по вечерам занимается в Народном драмтеатре при городском Доме культуры.

– Участвует в художественной самодеятельности?

– Да.

– Ирина Маркелова тоже там занимается? – догадался Труфанов.

– Они с Аленой репетируют одну роль.

– Ясно, – Василий что-то коротко записал. – Значит, стала собираться на репетицию.

– В шесть Алена ушла, и больше я ее не видела.

Труфанов озадаченно распрямился.

– Та-а-ак... Это все?

– Поздним вечером, когда дочь не вернулась домой, я побежала в Дом культуры. Вахтер сообщил, что все давно ушли. Утром пошла к Ирине. Она рассказала, что с репетиции Лена ушла около одиннадцати часов.

– А сама Маркелова где была в это время?

– На репетиции.

– А почему ваша дочь не осталась?

– Аленушке нет восемнадцати. Я попросила, чтобы режиссер отпускал ее до одиннадцати, – Екатерина Владимировна достала из-за манжеты платок и скомкала его в руках. – В тот же день, это была суббота, я пошла в дежурную часть, но мне сказали, что заявление примут только через три дня. Сегодня утром я его написала.

– Оно у меня, – Василий раскрыл папку и продемонстрировал заявление. – Давайте поговорим о том, как жила ваша дочь.

– Почему жила?.. – спросила Екатерина Владимировна.

Следователь изменил свой вопрос:

– Давайте поговорим о том, как живет ваша дочь.

– Как и все девушки ее возраста: домашние хлопоты, занятия в школе. Про репетиции я уже рассказала.

– У нее кто-нибудь есть?

Екатерина Владимировна подняла на него глаза.

– Что вы имеете в виду?

– Мальчик, парень, жених...

– Жениха нет. Рано еще. Парень есть.

– Его имя и адрес.

– Михаил Суворов. Живет в доме, где гастроном. Только сегодня вы его не найдете – учится в институте в Красноярске. Приедет в субботу.

– Значит, в пятницу, когда пропала ваша дочь, его в городе не было?

- Приехал только в субботу и вместе со мной начал искать.
- Вы проверяли вещи Алёны?
- Зачем?
- Все ли на месте?
- Все, кроме той одежды, что была на ней.
- Это кстати. Пожалуйста, опишите, в чем она была одета в тот вечер.
- Красное демисезонное пальто, черные сапоги. Юбочка серая, плиссированная, белая блузка. Сумка красного цвета с замочком как у кошелька-гаманка.
- Это как? - переспросил следователь.
- Знаете, как будто два кулачка, и они между собой зацепляются.
- Понял. - Он все записал. - А как насчет документов?
- Паспорта я не нашла.
- Она всегда носила его с собой?
- Нет. Но в этот раз для чего-то взяла.
- И это хорошо, - подбодрил ее Труфанов.
- Почему? - Глаза матери полыхнули надеждой.
- Значит, она куда-то уехала, что исключает другие печальные версии.
- Надеюсь, хоть и не понимаю зачем, - прошептала Екатерина Владимировна.

- В жизни вашей семьи ничего не менялось в последнее время?
- С тех пор как умер отец Алены, мы остались вдвоем. Что у нас могло поменяться...
- У дочери не появились новые друзья или подруги? Может быть, приходили какие-то письма?
- Ничего такого я не заметила.
- Знаете, девчонки часто ведут дневники... У вашей дочери был дневник?

Екатерина Владимировна на мгновение задумалась.

- Бывало такое, что зайду в ее комнату, а она что-то пишет в тетрадке. Увидит меня, закроет и куда-нибудь спрячет.
- Значит, был... Как выглядел, не припомните?
- Красная клеенчатая тетрадь. На обложке - цветы.
- Можете поискать? - Следователь оживился и даже встал, как будто собрался искать дневник вместе с ней.
- Уже искала. Дома его нет.
- Что-нибудь еще можете рассказать?
- Больше нечего.
- Не возражаете, если зайду к вам еще раз?

Екатерина Владимировна уткнулась лицом в платок. Потом, сморкаясь в него, судорожно дернула головой:

- Как я могу возражать?..

В городском Доме культуры Труфанова первым делом проводили к директору. В огромном угловом кабинете его встретила женщина в пиджаке, застегнутом на все пуговицы.

– Здравствуйте, товарищ следователь. Мне уже позвонили. – Она по-мужски протянула руку. – Меня зовут Виолетта Андреевна.

Труфанов сунул папку под мышку и ответил крепким рукопожатием.

– Мне нужно поговорить с режиссером, с вахтером и с гардеробщицей служебного гардероба. С теми, кто работал в пятницу вечером.

Виолетта Андреевна одернула пиджак и вытянула руки по швам, отчего стала похожа на офицера запаса.

– Режиссер придет после шести. Вахтер и гардеробщица сейчас на работе, могу их сюда пригласить.

Труфанов оглядел кабинет.

– Лучше я сам к ним пойду.

– Вам виднее, – поджав губы, директриса предупредила: – Будьте внимательны, в Доме культуры ведется ремонт.

– Давно? – поинтересовался Труфанов.

– Второй месяц. Всю сцену разворотили. Монтируют поворотный круг.

– На сцену я не собирался идти. – Следователь прошел к двери, но вдруг обернулся. – Еще один вопрос... Если в здании ремонт, почему участники художественной самодеятельности продолжают репетировать?

– Апрель месяц, – Виолетта Андреевна развела руками. – Творческий сезон не закончен. Не разгонять же участников коллективов посреди года. Вот и

занимаются в кабинетах.

– В каком репетирует драмтеатр?

– В сорок четвертом.

– Могу я его осмотреть?

– Будете говорить с вахтером, скажете – я разрешила. Он все покажет, ключи у него есть.

– Спасибо. – Труфанов вышел из кабинета и отправился к служебному входу.

Заметив его, вахтер вскочил со своего стула.

– Я только на минуту, в туалет отошел!

Труфанов ободряюще улыбнулся:

– А я пока ни о чем вас не спрашивал.

– Так ведь будем про девушку говорить?

– Будем.

– Ну – вот.

– Значит, вы не видели, как в пятницу Свиридова выходила из Дома культуры?

– Я же сказал! – вахтер обескураженно вскинул руки. – Ровно в одиннадцать пошел в туалет, пост покинул на пару минут.

– Предполагаете, в это время она вышла на улицу?

– В другое время я бы ее увидел.

– А если она ушла через главный вход?

– Там закрыто на ключ.

– Значит, не отлучались больше ни на минуту?

– Ни на минуту!

– Ясно... – Труфанов вздохнул и разочарованно повертел головой. – Где тут у вас гардероб?

Вахтер показал. Следователь тихонько спросил:

– Как зовут гардеробщицу?

– Анна Петровна.

Гардеробщица сообщила, что в пятницу к половине двенадцатого в гардеробе не оставалось ни одного пальто и ни одной куртки.

– Значит, Свиридова свое забрала? – спросил следователь.

– Молодая блондинка из драмтеатра?

– У нее пальто красного цвета.

Анна Петровна задумалась, потом махнула рукой:

– Если здесь не осталось, значит, забрала. Минуточку... – Она взяла номерок у щеголеватого мужчины лет сорока.

Он мимоходом взглянул на Труфанова.

– Товарищ кого-то ищет? – Мужчина забрал пальто и, одеваясь, представился: – Геннадий Петрович Сопелкин, художественный руководитель Дома культуры.

– Следователь Труфанов, – скрепив знакомство рукопожатием, Василий запоздало ответил: – В прошлую пятницу девушка потерялась. Была на репетиции, после чего домой не вернулась.

– Что за девушка? – поинтересовался Сопелкин.

Труфанов хотел ответить, но гардеробщица оказалась расторопней:

– Свиридова из Народного драмтеатра.

– Вот как?... – застегивая последнюю пуговицу, Геннадий Петрович взял Труфанова под руку и повел к мраморной лестнице. Они поднялись на площадку между первым и вторым этажами и остановились возле окна, которое располагалось как раз над служебным входом.

– Вот, – Сопелкин сдвинул в сторону французскую штору. – В прошлую пятницу вечером я видел, как Свиридова вышла из Дома культуры и села в белые «Жигули». Кстати, на заднем сиденье автомобиля стоял большой чемодан.

– Номер запомнили?

– Не обратил внимания.

– Водителя рассмотрели?

– Нет, его я не видел.

– В котором часу это было?

– В одиннадцать, может чуть позже.

– Уверены, что это была она?

– Я хорошо ее знаю, спутать не мог.

Труфанов открыл папку, глянул в окно и на всякий случай спросил:

– Опишите ее одежду.

– Пожалуйста: красное пальто, черные сапоги. В руках – красная сумочка. – Геннадий Петрович поправил штору и вежливо улыбнулся.

Труфанов закрыл папку.

– Спасибо. Вы очень нам помогли.

Глава 5. В подвале

– Это все? – спросила Дайнека.

– Как ты понимаешь, расспрашивать дальше было бессмысленно. – Василий Дмитриевич достал сигарету и закурил. – После того как Сопелкин рассказал про белые «Жигули», осталась одна версия: Свиридова по своей воле покинула город.

Переведя взгляд на паспорт, Дайнека спросила:

– Но теперь-то вы понимаете, что она не уехала?

– Теперь – понимаю.

– Что же делать?

– Ничего, – Труфанов стряхнул пепел. – Прошло тридцать лет.

– По-вашему, спустя тридцать лет человеческая жизнь дешевет?

Василий Дмитриевич замер, поднял глаза и отчетливо произнес:

– Чтобы ты не продолжала своих заблуждений, на этом поставим точку.

Было ясно: встреча закончена. Дайнека встала, взяла паспорт и вышла из кабинета.

Мария Егоровна сидела у окна, ожидая, пока вернется Дайнека. Заметив ее у калитки, она подхватила и вышла во двор.

– Ну как?

– Все хорошо, – Дайнека решила подбодрить старуху. – Мы с Валентиной Михайловной нашли общий язык.

– И она ничего не говорила про увольнение? – допытывалась Мария Егоровна.

– Не говорила, – улыбнулась Дайнека. – Все хорошо. Болейте себе на здоровье.

Она выпила чаю и пошла к себе в комнату. Укладываясь в постель, услышала шепот матери:

– Если тебе в тягость – скажи, и мы покончим с этой работой.

– Мне не в тягость, – отозвалась Дайнека и повернулась к стене.

История с паспортом затянула ее, как будто, найдя его, Дайнека взяла на себя определенные обязательства. Перед ней, как в сказке, простерлась дорога из желтого кирпича, которую нужно пройти. И она не знала, что именно заставило ее ступить на эту дорогу.

На следующее утро, когда Дайнека пришла на работу, Валентина Михайловна сообщила ей, что через два дня в Доме культуры состоится отчетный концерт.

– Что это значит? – Дайнека не знала, что такое отчетный концерт.

– Это когда участники художественной самодеятельности показывают жителям города и руководству, что сделали за год. Раньше такие концерты проводили к первому мая или ко дню рождения Ильича...

– Ильич – это ваш мэр?

– Не говори глупости! – на Валентину Михайловну накатила волна неудержимого хохота. Просмеявшись, она объяснила: – Ко дню рождения Ленина, в двадцатых числах апреля. Теперь все иначе: концерт проводят перед тем как разъехаться по отпускам.

– А нам с вами что нужно делать?

– Во-первых, подготовить костюмы и выдать участникам. Во-вторых, во время концерта придется побегать. Там подбери, здесь подай. Кому-то зашей, кому-то помоги... В общем, – она ободряюще улыбнулась, – если удержишься здесь – всему научу. Кстати, ты отдала паспорт?

– Нет.

– Почему?

– В квартире живут другие люди, а девушка тридцать лет назад куда-то исчезла. Сумочка – не реквизит, она принадлежала Свиридовой. – Дайнека мрачно кивнула в подтверждение серьезности сказанного.

В глазах начальницы мелькнуло смущение.

– Наговоришь мне еще... Откуда узнала?

– Сначала от старух во дворе, потом начальник полиции подтвердил.

Валентина Михайловна всплеснула руками, кинулась к ящику и стала выкидывать из него все, что там было. Наконец отыскала красную сумочку, в которой нашли паспорт, и бросила на письменный стол.

– Срочно неси в полицию!

– Не возьмут, – возразила Дайнека. – Им даже паспорт ее не нужен. Говорят: тридцать лет прошло. Срок давности – всего пятнадцать. Теперь ничего не изменишь.

– Вот что... – Валентина Михайловна села на стул и, не отрывая взгляда от сумочки, произнесла: – Сейчас я тебя отпущу с работы.

– Зачем?

– Иди в адресный стол, ищи ее родственников.

– И что дальше?

– Если найдешь, отдашь им сумку и паспорт.

– Не понимаю, зачем, если даже в полиции...

Валентина Михайловна перебила:

– Я говорю – иди!

– Ну, хорошо. – Дайнека не возражала против того, чтобы уйти с работы, только поинтересовалась: – Вахтерша выпустит меня раньше времени?

– Выпустит. Я позвоню.

По пути к выходу она заглянула за сцену, затем побродила по кулуарам. Повсюду царило какое-то беспокойство, как если бы все вдруг стали готовиться к переезду. Сотрудники хозяйственной службы скатывали ковры, двигали мебель, уносили кадки с цветами.

– Куда это все? Зачем? – спросила Дайнека у старика в рабочей спецовке.

Он остановился, оглядел ее и, приосанившись, сообщил:

- С первого июня в Доме культуры – ремонт.
- А я слышала, через два дня будет отчетный концерт.
- Как только проведем, сразу начнем ремонт.
- Зачем же все уносить раньше времени?
- Сроки сжатые, – посерьезнел старик. – К понедельнику обязаны все унести, а сегодня уже среда.

В этот момент его кто-то окликнул:

- Геннадий Петрович!

Старик обернулся, глянул и продолжил быстро скатывать ковер. К ним подошел мужчина в бейсболке.

- Я смотрю, у вас еще конь не валялся.

Чтобы рассмотреть лицо человека, Дайнека заглянула под козырек.

- Слава?

Старик в это время возмущенно воскликнул:

- Чего ты все ходишь?! Только работать мешаешь! Сказано – в понедельник, раньше не приходи!

- Вячеслав... – повторила Дайнека, и парень заулыбался.

- Думал, что не узнаешь. Виделись-то всего пять минут. А вот я сразу тебя узнал.

- Ну, вы тут любезничайте, а мне нужно работать... – Старик поднял ковер и потащил его к лестнице.

Вячеслав крикнул ему в спину:

– Сопелкин, завтра снова приду и проверю!

Дайнека схватила его за руку:

– Как ты сказал?

– Приду и проверю...

– Да, нет! Как ты его назвал?

– Сопелкин...

– Имя-отчество?

– Геннадий Петрович. – Вячеслав не спускал с нее удивленного взгляда.

– Извини. – Дайнека побежала за стариком. – Геннадий Петрович!

Не обращая на нее никакого внимания, Сопелкин спускался по лестнице с ковром на плече.

– Стойте же! Подождите!

На мраморной лестнице между первым и вторым этажами Сопелкин остановился и скинул ковер на пол.

– Ну, что вам еще? Вообще, кто вы такая?

– Называйте меня Дайнекой или Людмилой, как больше нравится.

Старик оглядел себя, стряхнул со спецовки пыль, выпрямил спину и спросил уже с интересом:

– Что вам угодно?

– Вы худрук Дома культуры?

Он вскинул руки.

– Вспомнила! Когда это было... Теперь я завхоз.

– Но ведь вы Геннадий Петрович Сопелкин?

– Да, я Сопелкин.

Дайнека умоляюще сложила руки домиком.

– Прошу вас, очень нужно поговорить!

Покосившись на ковер, Геннадий Петрович заметил:

– В кабинет пригласить не могу. Нет у меня кабинета. Склад – в подвале. Туда вряд ли пойдете.

– Можно и здесь. Помните, тридцать лет назад здесь, в Доме культуры, пропала девушка, Лена Свиридова?

– Да-да, что-то припоминаю... – Сопелкин перевел взгляд на окно, и Дайнека сообразила, что это было именно то место и то окно над служебным подъездом.

Она отдернула штору, глянула вниз, потом обернулась:

– Отсюда вы видели, как уезжала Свиридова?

– Постойте... Откуда вам это известно? И с какой целью вы задаете вопросы?

– Я близкая родственница, – на ходу соврала Дайнека и добавила: – Троюродная сестра Лены. Следовательно, который вел ее дело, рассказывал об этом моей тетке.

Недоверчиво покосившись на нее, Геннадий Петрович все же заговорил:

– В те времена здесь висели глухие французские шторы. Знаете, когда по всей ширине белые полотна собраны фалдами. Изысканно, благородно... А теперь повесили синтетический тюль, – он вздохнул. – Театр – это храм. Когда зритель приходит сюда, его не должно беспокоить, что происходит на улице.

– Кстати, а зачем вы смотрели в окно? – задав этот вопрос, Дайнека сама не поняла, как он пришел ей в голову.

– В каком смысле?..

– Если штора была французской, значит, через нее ничего не было видно. Вам нужно было ее отдернуть, чтобы увидеть, как Свиридова садится в машину.

Сопелкин непроизвольно мотнул головой.

– Так я и отдернул.

– Но для чего? Ведь не для того же, чтобы ее увидеть?

– Конечно, не для того... – Он ненадолго задумался. – Теперь вряд ли я вспомню. Может, кого ждал. Да это не важно. Важно лишь то, что она уехала в черной «Волге».

Дайнека напряглась и с подозрением уставилась на Сопелкина.

– Следовательно вы сказали, что Свиридова села в белые «Жигули»!

Геннадий Петрович повысил голос:

– Я пожилой человек! И это не самое важное воспоминание в моей жизни! Мог и забыть.

– Простите... Только один вопрос: помните, во что была одета Свиридова?

– Вы хоть понимаете, когда это было? Тридцать лет прошло, и я должен помнить, что она была в красном пальто?

– Но ведь помните, – улыбнулась Дайнека и снова спросила: – Была у нее сумочка?

– Была, – уверенно подтвердил Сопелкин. – Куда бы она поехала без нее?

– Видите ли... – говоря эти слова, Дайнека внимательно смотрела ему в лицо. – Вчера, перебирая ящики с реквизитом, я нашла сумочку с паспортом Елены Сергеевны Свиридовой.

– Так и думал, что вы никакая не родственница! – Сопелкин поднял ковер и взвалил его на плечо. – Нет у меня времени, я на работе.

– Знаете, – сказала Дайнека, – вы сейчас похожи на человека, которому есть что скрывать.

Резко повернувшись, Геннадий Петрович шаркнул ковром по стене, отчего еще сильнее рассердился:

– Зачем вы копаетесь в прошлом? Чего вам не живется спокойно?

Этот вопрос застал Дайнеку врасплох. Она не знала, как на него ответить. Вместо этого попросила:

– Пожалуйста, расскажите мне, как все было на самом деле.

– Я не помню... – со слезой в голосе простонал Геннадий Петрович.

– Расскажите, что помните, – миролюбиво согласилась Дайнека.

Крякнув, Сопелкин поправил ковер, лежащий у него на плече.

– Идемте в подвал. Там все расскажу, – он посмотрел на нее и вдруг перешел на «ты». – Не боишься? Вот закатаю в ковер и спрячу где-нибудь в подzemелье... –

Не дождавшись ее реакции, Геннадий Петрович вежливо пояснил: – Шутка юмора.

Потом они спустились в подвал, и Сопелкин рассказал все, что помнил о том дне.

Глава 6. Геннадий Петрович Сопелкин

Пятница, 6 апреля 1984 года

На работу Сопелкин пришел в восемь вечера. Вахтер сразу предупредил:

– Вас директор, Виолетта Андреевна, спрашивала.

Покосившись на директорский кабинет, Геннадий Петрович осторожно спросил:

– Где она?

– Двадцать минут как домой ушла. Велела записать, во сколько вы явитесь.

– Скажешь, что пришел в семнадцать часов.

Вахтер усомнился:

– Я уже доложил ей, что вас нет.

– Извинишься, скажешь, что не заметил. Дескать, пришел Геннадий Петрович – и сразу в какой-нибудь коллектив, номер смотреть. Кто там у нас сегодня? – Сопелкин поддернул штанину и посмотрел на ботинок. – Что за дикая мысль – устраивать ремонт, не закончив сезона!

Вахтер полистал журнал:

– В тридцать шестом кабинете занимается хор ветеранов труда...

Сопелкин поморщился:

– Кто там еще?

– В сорок четвертом репетирует драмтеатр.

– Ага! – Геннадий Петрович повеселел: – Запиши в журнале, что я пришел в семнадцать часов – и сразу в сорок четвертый.

– Так они к восемнадцати собираются.

– А ветераны труда к сколько?

– Эти – к семнадцати.

– Значит, так: в семнадцать я пошел к ветеранам, потом в драматический... Записал? – Сопелкин снова посмотрел на ботинок, вынул платок и тщательно протер его у подошвы. – Скажи уборщице, чтобы вытерла в тамбуре и на лестнице. Натаскали известки, пройти невозможно...

Поднявшись на третий этаж, он открыл дверь кабинета. На стульях вдоль стен сидели участники, не занятые в репетиционном процессе. В центре комнаты стояла светловолосая девушка в серой плиссированной юбке и цветастом платке, накинутом на плечи. Декламируя, она прижимала руки к груди:

– Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят, уставилась на жениха, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья так и полились. Жалко мне ее стало, подошла я к ней, чтобы разговорить да увести поскорее. И сама-то плачу...

Между тем к двери подошел режиссер и открыл ее шире.

– Проходите, Геннадий Петрович.

– Не помешаю, Альберт Иванович? – Из вежливости поинтересовался Сопелкин и зашел в кабинет.

– Присаживайтесь, – указал режиссер на свободный стул недалеко от двери.

К стоящей в центре блондинке приковыляла старуха.

– Дешевы слезы-то у вас, – прошамкала она деланным голосом.

– Уж очень тяжело это слово-то – «прощай», – снова заговорила девушка. – Ведь это хуже, чем похоронить...

– Лена! – закричал режиссер. – Свиридова! Ты пропустила в тексте целую фразу! После слов «уж очень тяжело это слово-то «прощай» идет фраза: «А каково сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить». Нельзя так вольно обращаться с текстом Островского. И еще, когда твоя героиня рассказывает про девушку в церкви, она не ее жалеет, а свою загубленную жизнь. Свое одиночество оплакивает. Свое! Понимаешь? Пожалуйста, повтори последнюю фразу!

Елена Свиридова стянула цветастый платок и с чувством произнесла:

– А каково сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить.

– Во-о-о-от! Ведь можешь! – Альберт Иванович подбежал и схватил ее за руки. – Именно так, именно с такой интонацией! В этих словах заключены все ее страхи, весь ужас ее положения. И прошу, заучи эту фразу. Перепиши ее несколько раз на полях. Прямо в роли своей напиши. – Режиссер ткнул пальцем в текст роли и отдал Елене. Затем обернулся к другим участникам и объявил: – Теперь сцена из восьмого явления – вторым составом с Ириной Маркеловой... – Он покрутился на месте. – Кстати, где она? Я не вижу... Опять не пришла?

В дверь кабинета проскользнула коренастая девушка с копной кудрявых черных волос.

– Простите, опоздала, у меня...

Режиссер отмахнулся.

– Иди, Маркелова, репетируй. Твоя сцена.

В поисках свободного места Елена Свиридова присела рядом с Сопелкиным и стала что-то писать на полях своей роли.

– Знаете, – сказал он, оглядывая ее фигурку, – вы как Юлия Павловна меня устраиваете больше, чем Ирина Маркелова. А как же сценические костюмы? Вторая исполнительница, по крайней мере, на два размера больше вас.

Свиридова улыбнулась и, взглянув на Сопелкина, пояснила:

– Костюмеры пришили на спине крючки в два ряда. Потуже – для меня, посвободней – для Иры.

– Ну, если так... – Геннадий Петрович ощупал ее взглядом, сделал стеклянные глаза, склонился и прошептал на ухо: – Когда вижу вас, испытываю неодолимое желание прикоснуться...

Она сдвинулась в сторону и обиженно отвернулась:

– Опять вы за свое?

– Во сколько сегодня заканчиваете?

Елена не успела ответить, режиссер хлопнул в ладоши и прокричал:

– Начали!

Участники художественной самодеятельности прогнали свою сцену, затем последовал перерыв. Геннадий Петрович вышел из кабинета и заглянул в комнату, где репетировал хор ветеранов. Там вокруг баяниста сидели два десятка старух и один дед. Все обернулись и заулыбались ему беззубыми ртами. Он поспешно закрыл дверь и отправился в свой кабинет.

Проходя мимо дверей амфитеатра, немного замедлил шаг. Ему показалось, что за одной из них кто-то вскрикнул. Остановившись, Сопелкин прислушался. В тот же миг дверь распахнулась, и в фойе выбежала Елена Свиридова. Из ее рук

выпала сумка и свернутая трубочкой роль. Геннадий Петрович заглянул в темный тамбур амфитеатра, затем поднял с пола сумку и роль, упавшие предметы.

– Что вы там делали?

Елена растерянно оглянулась, забрала свою сумку и поправила волосы. Сопелкин плотно прикрыл дверь.

– Надо сказать, чтобы замкнули. В зале ремонт, посторонним там делать нечего. – Он посмотрел на нее. – Что у вас на щеке?

– Ничего, – Елена прикрыла лицо ладонью.

Геннадий Петрович отвел ее руку.

– Будет синяк, – сказал он и заглянул девушке в глаза. – Кто вас ударил?

Сопелкин ринулся к амфитеатру, но Елена его сдержала, взяла под руку и повела к лестнице.

– Вы, кажется, хотели меня проводить?

– Когда? – Геннадий Петрович остановился, но она снова потянула его за собой. – Ах, да! Так во сколько вы сегодня заканчиваете?

– В половине двенадцатого.

– Я буду ждать вас у служебного входа.

– До встречи! – Елена улыбнулась и побежала на репетицию.

– Роль! – Геннадий Петрович помахал свернутыми листами. – Вы забыли свой текст!

Глава 7. Поиск продолжается

– Она сказала, что заканчивает в половине двенадцатого? – удивилась Дайнека.

– Именно так.

– Но ведь Свиридова знала, что по требованию матери режиссер отпустит ее раньше.

– Сие мне неведомо, – Геннадий Петрович развел руками. – Поэтому, когда в одиннадцать часов я увидел в окно, как она вышла из Дома культуры и села в чью-то машину, это меня задело. Кстати, Свиридова ушла, не забрав текст своей роли.

Дайнека испуганно вздрогнула и схватила его руку.

– В чем дело? – спросил он.

– Кажется, в вашем подвале живут крысы. – Она оглядела серые стены и показала рукой в дальний угол. – Там!

– В любом подвале водятся крысы, – заметил Сопелкин и продолжил: – Короче, она села в машину и укатила. Цвет и марку уже не помню, память подводит. И неудивительно, мне скоро семьдесят.

– Вы сказали следователю, что на заднем сиденье автомобиля был чемодан.

– Если сказал, значит – был.

– И еще вопрос: вы узнали, кто скрывался за дверью амфитеатра?

– Елена силком увела меня прочь.

– Думаете, нарочно?

– Не сомневаюсь ни на минуту. Скорей всего, не хотела, чтобы я увидел того, кто там был. Иначе с чего бы она согласилась встретиться в половине двенадцатого?

– А потом обманула и ушла раньше... – Дайнека ненадолго задумалась. – Скажите, а что такое амфитеатр?

– Это самая удаленная часть зрительного зала, которая располагается за партером. Из фойе туда ведут три двери: одна в центральную часть амфитеатра, две другие в левую и правую части.

– Вам ничего не удалось рассмотреть, когда она выходила?

– Во-первых, Свиридова не вышла, а выбежала. Во-вторых, сразу за дверью – тамбур, потом небольшая лестница, которая и ведет к креслам. По-видимому, тот, кто там был, спрятался в глубине. Я ничего не смог разглядеть в темноте.

– Если в зале велся ремонт, почему дверь не закрыли?

– Сейчас я бы за это ответил. Но в те времена был худруком и не следил за дверьми.

Дайнека достала из пакета красную сумочку и положила на стол.

– Есть проблема, – начала она медленно, и лицо Сопелкина побледнело. – Следователю вы сказали, что Елена Свиридова уехала с сумочкой. Однако сумка не покидала пределов Дома культуры. Как и паспорт Свиридовой. – Дайнека продемонстрировала ему документ.

Со стороны лестницы, ведущей из подвала наверх, послышался шорох. Она оглянулась, вскочила и вдруг побежала туда.

– В чем дело? – Геннадий Петрович догнал ее только у лестницы.

Дайнека повернула к нему испуганное лицо.

– Это не крысы.

– Да бросьте...

– За дверью кто-то стоял! – заорала Дайнека. – Стоял и подслушивал наш разговор!

– Кто?

– Не знаю, я видела тень и слышала топот, когда он бежал вверх по лестнице.

– Он? – переспросил Геннадий Петрович.

– Говорю вам, я видела только силуэт в коридоре подвала, – на этот раз Дайнека ответила шепотом. – У вас здесь очень темно.

Они поднялись наверх и расспросили вахтершу. Та поклялась, что за последние десять минут мимо нее никто не проходил.

Дайнека вышла на улицу, сожалея о том, что забыла спросить, где находится адресный стол. Рядом остановилась машина, из окошка выглянул Вячеслав.

– Тебя подвезти?

– Спасибо! – Она плюхнулась на сиденье рядом с ним. – Как ты здесь оказался?

– В Доме культуры? Работаю на подрядчика, в понедельник бригаду строителей завожу. Приступаем к ремонту.

– Зачем ругался с Сопелкиным?

– Старик – настоящий прохвост. Не любит работать. Завтра снова приеду, хвоста ему накручу.

Во всем облике Вячеслава была какая-то складность. Про таких говорят: что ни надень – все к лицу. Обычная футболка и джинсы сидели на нем так, словно он в них родился. Возможно, этому способствовала его атлетичность.

- Спортсмен? – поинтересовалась Дайнека.
- В детстве занимался футболом, как все мальчишки.
- В зал, похоже, ходишь частенько.
- Куда едем? – Вячеслав решил поменять тему.
- В адресный стол.

Адресный стол располагался в том же здании, что и паспортный, только на втором этаже. В маленьком помещении царила домашняя атмосфера, сотрудницы пили чай. Этот затяжной процесс плавно перетекал из утреннего чаепития в обеденный перерыв.

- Здравствуйте, мне нужна ваша помощь, – сказала Дайнека, но тут же сообразила, что не слишком внятно сформулировала свое пожелание – на нее не обратили никакого внимания. – Кто у вас старший? – требовательно спросила она.
- Что вы хотели? – Из-за стола поднялась тетка в очках.
- Узнать новый адрес знакомой.
- Денег должна?
- Вовсе нет.
- Дайте имя, фамилию и адрес, по которому проживала.
- Свиридова, улица Ленина, восемнадцать, тридцать четыре.
- Имя-отчество?
- Елена Сергеевна, шестьдесят седьмого года рождения.

– Паспорт с собой?

– Чей? – оторопела Дайнека.

– Ваш.

– Зачем?

– Затем, что без паспорта информацию не даем.

Дайнека вынула свой паспорт и положила на стол. Тетка пролистала его и удивленно скривилась:

– Москвичка?

– Ну, да.

– К нам по делам? – не услышав ответа, она сделала вид, что ей и так все понятно. – Свиридова Елена Сергеевна шестьдесят седьмого года рождения...

– Есть?

– Сейчас посмотрю в поквартирной карточке. – Тетка направилась к шкафу с выдвижными ящиками, нашла среди них нужный, достала карточку. – Эта ваша Свиридова была объявлена в розыск.

– Вообще-то меня интересует ее мать.

– Екатерина Владимировна?

– Она проживала в той же квартире. Пожалуйста, посмотрите, куда она переехала?

– В восемьдесят седьмом году – на Госпитальную улицу, в двадцать второй дом.

– Какая квартира?

– Дом частный, там нет квартир.

– Спасибо. Я должна оплатить ваши услуги?

Женщина отскочила и быстро огляделась по сторонам.

– Нет-нет! У нас все бесплатно!

– Тогда огромное вам спасибо.

Усевшись в машину Вячеслава, Дайнека распорядилась:

– Улица Госпитальная, дом двадцать два.

– Это «девятка»...

– Что такое «девятка»? – поинтересовалась она.

– Самый удаленный район Железнодорожского. До него километров десять, не меньше.

– Прости, не знала. Тогда я на автобусе.

– Не дергайся, довезу.

По радио тихонько рассказывали последние новости, и они замолчали. Потом заиграла музыка, он сказал:

– Странные у тебя маршруты...

– Почему?

– Вчера – в полицию, сегодня – на Госпитальную.

– А что там?

– Психушка.

– Мне не туда.

– Надеюсь...

Дайнека хихикнула. Он определенно ей нравился: ясные голубые глаза, крепкий нос, природный румянец, подбородок с четкой мужской складкой, темные кудрявые волосы. Прибавь сюда конкретный мужской характер – и получится мечта любой девушки.

В этот момент автомобиль подбросило, и она клацнула всеми своими зубами.

– Что это было? – просипела Дайнека, потому что голос вернулся не сразу.

– Последствия ямочного ремонта.

– Ага... – Дайнека уловила знакомую тему. – Это потому что нет денег на хороший ремонт?

– Как, говоришь, адрес?

– Госпитальная двадцать два.

Они въехали в малоэтажный поселок и свернули в одну из боковых улочек, в безлюдное неприглядное место.

– Вот этот дом, – показал Вячеслав.

Машина затормозила. Дайнека вышла, и перед тем как захлопнуть дверцу, спросила:

– Подождешь?

Он кивнул и включил радио погромче. Дайнека узнала мелодию – «Отель Калифорния» – и перевела взгляд на дом. Из окна на нее смотрела худая старуха.

Пройдя к калитке, она услышала, как в доме стукнула дверь.

– Екатерина Владимировна Свиридова здесь проживает?

За воротами кто-то был, но голоса не подал.

– Откройте, пожалуйста, нужно поговорить!

Звякнул замок, через возникшую щель на Дайнеку уставился глаз с черным подглазьем[З - Впадина под глазом.].

– Зачем она вам?

– Поговорить о ее дочери.

Калитка распахнулась, за ней стояла старуха.

– Вы от Алены?

Дайнека сообразила, что она имела в виду Елену Свиридову.

– Нет, не от нее.

– Что ж, заходите. – Старуха вздохнула и направилась в дом. Зайдя в кухню, села на табуретку, сцепила руки и безмолвно уставилась на Дайнеку.

Та опустилась на стул, пристроив рядом пакет с найденной сумочкой. Прикинув, когда следует отдать старухе сумку и паспорт, решила не торопиться.

– Меня зовут Людмила Дайнека.

– А я Екатерина Владимировна, мать Алены, – отозвалась старуха.

– Можете рассказать, как пропала ваша дочь?

– Она не пропала, – обыденно проговорила Екатерина Владимировна.

Помолчав, Дайнека поинтересовалась:

– Что же тогда с ней случилось?

– Ничего.

– Не понимаю...

– Алена уехала на юг и очень хорошо там устроилась.

– Господи... – Дайнека прижала руки к груди. – Как же я рада! – Она потянулась к пакету, собираясь достать сумку, отдать матери Елены Свиридовой и забыть наконец об этой истории.

– Следовательно мне все рассказал, – продолжила Екатерина Владимировна. – Она уехала на машине с каким-то мужчиной.

Дайнека отдернула руку и подняла на старуху глаза. Потом осторожно спросила:

– Он сказал, куда именно уехала ваша дочь?

– Ему неизвестно.

– Она давала о себе знать?

– Нет. А писем не пишет, потому что боится. Думает, буду ругать, – Екатерина Владимировна огорченно покачала головой. – Дурочка...

На мгновение Дайнеку охватило чувство невосполнимой утраты. Она поняла: за долгие годы одиночества старуха убедила себя в том, что ее дочка жива. Отдать сумку сейчас – значит, убить эту уверенность и поселить в ее душе ад.

– Да... – пробормотала Дайнека. – Я понимаю.

Екатерина Владимировна чуть оживилась:

– Вы знакомы с Аленой? – потом вдруг махнула рукой. – Да что это я... Вам лет двадцать, не больше.

– Двадцать два.

– Когда Алена уехала, вы еще не родились.

Пытаясь нащупать нужную тему, Дайнека посетовала:

– Жаль, что мы не знакомы. Расскажите, какая она была?

– Перед тем как уехать, Алена была очень красивой. Теперь я понимаю: она влюбилась.

– Почему вы так думаете?

– Иначе зачем бы она с ним уехала?

Глава 8. Екатерина Владимировна Свиридова

6 апреля 1984 года

Екатерина Владимировна смотрела в окно, поджидая дочь из школы.

Сегодня, когда она мыла пол в ванной, к тряпке прицепилось золотое кольцо с большим оранжево-розовым камнем. По ободку оно было испачкано голубым пластилином. Екатерина Владимировна встала на колени и заглянула под ванну. На днище она заметила кусок пластилина такого же цвета.

Как видно, кольцо прилепила Алена, не сообразив, что горячая вода в ванне расплавит пластилин и оно упадет на пол. Вопрос, где она взяла деньги на это кольцо, мучил Екатерину Владимировну до полудня. Потом она сообразила, что его могли подарить. Но это нисколько не успокоило. Наоборот, теперь пришлось задуматься, какие отношения связывали дочь-старшеклассницу с тем, кто мог позволить себе такой дорогой подарок.

Так она изводила себя догадками одна другой хуже. Дошло до того, что Екатерина Владимировна заподозрила дочь в проституции, но тут же прогнала эту мысль: ее Аленушка на такое никогда не пойдет.

В конце аллеи покраснело пальтечко Алены. Рядом с ней шла подруга Ирина Маркелова.

– Не ко времени принесло, – пробормотала Екатерина Владимировна и бросилась открывать дверь.

– Здравствуйте, тетя Катя! – Ирина, не раздеваясь, прошла в комнату.

Забирая из рук дочери школьную сумку, Екатерина Владимировна пристально вгляделась в ее лицо, пытаясь прочесть тайные знаки, указывающие на предполагаемую порочность.

– Mam, ты что? – Алена поцеловала мать и скрылась в своей комнате.

Минут через пять подруги снова появились в прихожей. Попрощавшись, Ирина ушла. Екатерина Владимировна проводила ее, тяжело припала спиной к двери, достала из кармана кольцо и протянула дочери.

– Откуда это у тебя? – трагическим голосом прошептала она.

Алена опустила глаза.

– Отвечай! – Екатерина Владимировна ударила дочь по щеке. – В артистки пошла? В Москву собралась? Теперь куда? На панель?!

– Мама, прошу тебя, не надо так говорить...

– Ну, хватит... Школу закончишь и сразу – в политехнический институт. Не хочешь учиться – иди мыть полы!

Алена не возразила и не ответила, но, главное, ничего не сказала про кольцо. В шесть часов вечера она ушла в Дом культуры на репетицию.

Глава 9. Много нового

– Вы так и не узнали, откуда взялось кольцо? – спросила Дайнека.

– Нет, – покачала головой Екатерина Владимировна. – Это был последний наш разговор.

– Следовательно про кольцо рассказали?

– Тогда мне казалось, что об этом лучше не говорить. Позже рассказала, но никто не заинтересовался.

– Оно и теперь у вас?

– Конечно. Я его берегу. Приедет Алена и заберет.

– Можете показать?

Екатерина Владимировна достала из передника скрученный носовой платок, развязала и протянула кольцо. Дайнека повертела его в руке.

– Дорогое и, кажется, старинной работы...

Она достала телефон и осторожно спросила:

– Можно сфотографировать?

– Пожалуйста. – Старуха не возражала.

Щелкнув несколько раз, Дайнека вернула кольцо.

– Алена хотела поступить в театральный?

– Хотела. Но где ж мне было взять столько денег? Билет до Москвы купи, за жилье заплати, есть-пить тоже надо... А у меня зарплата – семьдесят.

– Тысяч? – уточнила Дайнека.

– Рублей, – старуха внесла ясность. – Тогда, милая, все на рубли мерилось.

– Можно еще вопрос?

– Давай.

– Когда вы поняли, что дочь не вернулась?

Екатерина Владимировна степенно кивнула.

– Как за полночь перевалило, так и забеспокоилась. Пошла к Дому культуры, позвонила в служебную дверь. Вышел вахтер, сказал, что никого уже нет. Утром к подружке ее побежала.

– К Ирине Маркеловой?

– К ней. – Екатерина Владимировна говорила так, будто речь шла о самых обычных вещах. – Она сказала, что Аленушка ушла ровно в одиннадцать. И что с ней было дальше, Ира не видела, потому что осталась на репетиции. Ну а потом свидетель нашелся, он видел, как доченька моя уехала на машине. – Старуха вздохнула. – Знала бы я тогда, что с ней все хорошо, не убивалась бы так. Спасибо следователю, он подсказал. Дай ему Бог здоровья!

Чтобы завершить свою миссию, Дайнека подняла пакет, в котором лежала сумка Свиридовой. Но, взглянув в умиротворенное лицо Екатерины Владимировны,

почувствовала, как рука внезапно ослабла и опустилась вместе с пакетом. Так она и ушла – с терзающим ощущением, что оставила незавершенным важное дело.

Вячеслав повез Дайнеку в дом Кораблевых. В пути выдал пару шуток, но, почувствовав ее настроение, замолчал. Высадил у калитки, попрощался и быстро уехал.

Близился вечер. На темное небо набежали невесть откуда взявшиеся облака.

«Ночью точно будет гроза», – подумала Дайнека и оглядела окна кораблевского дома. Во всех горел свет. Она взбежала по лестнице, быстрыми шагами перемахнула прихожую и оказалась в гостиной. Там у окна стоял высокий крепкий мужчина. Он обернулся.

– Ты Людмила?

– Да...

– Тебя все ждут.

Было в его голосе что-то, что заставило ее съежиться. Захотелось найти какой-нибудь угол, завалиться туда и оставаться так долго, насколько это возможно.

– Кто вы? – спросила Дайнека и растерянно огляделась. – Где мама?

– Все вопросы потом. – Мужчина отошел от окна.

Теперь Дайнеке удалось разглядеть, что он был немолод, однако его нельзя было назвать стариком: статный, подтянутый, моложавый.

– Лю-ю-юдочка! – в гостиную вплыла Мария Егоровна, в ее руках сиял хрустальный салатник, который она поставила на большой круглый стол.

Только сейчас Дайнека заметила, что на столе – белая скатерть, и он весь уставлен закусками. В центре красовалась ваза с цветами и бутылка вина.

– Вы уже познакомились? – Мария Егоровна вытерла руки о фартук. – Это Витольд Николаевич – мой муж и отец Нади.

– Я поняла, – сказала Дайнека. – Вы вернулись из отпуска.

– Ну, слава богу! – захохотал Витольд Николаевич. – Теперь между нами нет никаких тайн.

В комнату на коляске въехала Людмила Николаевна. У нее на коленях лежали бокалы. Дайнека бросилась к матери, но услышала строгий голос:

– Сначала мыть руки! – Витольд Николаевич указал рукой направление. – Ванная – там.

– Да знаю я... – пробормотала Дайнека и отправилась мыть руки. А когда вернулась, все, включая Надежду, сидели за празднично накрытым столом.

– Помыла? – Витольд Николаевич улыбнулся, взял штопор и бутылку вина. – Теперь хоть будет кого воспитывать. – Затем, вскинув глаза, успокоил Дайнеку: – Не бойся, это я пошутил.

Первый тост сказала Надежда:

– За твое возвращение, папа, и за знакомство, – она поочередно со всеми чокнулась.

– Наконец-то приехал, – Мария Егоровна взяла раздаточную ложку и повернулась к Дайнеке: – Тебе положить?

– Я сама.

Мария Егоровна одобряюще ей улыбнулась:

– Людочка так меня выручила...

Витольд Николаевич перехватил инициативу:

– За это – низжайший поклон. Надеюсь, тебя хорошо встретили в Доме культуры?

– Вполне.

– Ты сказала «вполне», а мне слышалось «хорошо, да не очень...» – Он прищурился и проницательно посмотрел на нее. – Не забывай, я старый чекист.

У Дайнеки вытянулось лицо. Надежда хлопнула ее по руке и воскликнула:

– Папа так шутит!

Раскрасневшаяся Мария Егоровна по-девичьи рассмеялась и одернула мужа:

– Оставь! Девочке не нравятся твои шутки! – она опять повернулась к Дайнеке: – Спасибо тебе, Людочка. Завтра выхожу на работу. А ты отдыхай, вода в озере потеплела, можно купаться.

– Давайте я еще поработаю, – предложила Дайнека.

– Значит, я прав, – заметил Витольд Николаевич, отрезая ножом кусочек форели.

– В чем? – спросила Надежда.

Не отвечая на вопрос дочери, он обратился к Дайнеке:

– Что там у вас случилось?

До сих пор молчавшая Людмила Николаевна решила вступить за дочь:

– Все нормально. Верно, Людмила?

– Он прав, – сказала Дайнека, уставившись в свою пустую тарелку. – В первый же день со мной произошел странный случай.

Не сговариваясь, все отложили вилки и приготовились слушать.

– Перебирая в ящике реквизит, – продолжила она, – я нашла сумку. В ней лежал паспорт на имя Свиридовой Елены Сергеевны. Еще там был старый червонец и помада фабрики «Рассвет».

– У меня в молодости такая была! – почему-то обрадовалась Мария Егоровна.

– Мама... – укоризненно прошептала Надежда.

Дайнека снова заговорила:

– Валентина Михайловна попросила меня отнести паспорт по месту прописки. Когда я туда пришла, мне рассказали, что девушка эта пропала...

– Как это? – переспросила Надежда. – Если бы пропала, показали бы в новостях.

– Она пропала тридцать лет назад. Ее не нашли.

– Кто тебе об этом сказал? – поинтересовался Витольд Николаевич.

– Старухи во дворе. Потом я пошла в полицию, и мне все подтвердил начальник Управления.

– Труфанов?

– Я случайно попала к нему в кабинет.

– Он-то откуда знает? – спросила Надежда, считая между делом крошки со скатерти.

Дайнека ощутила непреодолимое желание выложить все, что узнала.

– Это было его первое дело. Василий Дмитриевич тогда был еще лейтенантом.

– Запомнить немудрено, – заметил Витольд Николаевич. – Город у нас тихий, не каждый день такое случается. В то время люди не пропадали. Теперь – другое дело. Что ни месяц – кого-нибудь ищут. Насчет того, что ее не нашли, несколько

не удивлен. Сыщики говорят: первый день золотой, второй день серебряный, а третий – бронзовый. В то время пропавших людей начинали искать только по истечении трех дней.

– Это еще почему? – возмутилась Мария Егоровна.

– Заявление в милиции принимали на четвертые сутки.

– Безобразие, – прошептала старуха.

Дождавшись момента, когда можно было вставить хоть слово, Дайнека продолжила:

– Поскольку на сумке не было инвентарного номера, мы с Валентиной Михайловной решили, что много лет назад Свиридова ее потеряла. Например, сумочку после спектакля сгребли вместе с реквизитом и случайно сунули в ящик.

– Такое часто бывает! – подтвердила Мария Егоровна. – Однажды после концерта мы собирали сценические костюмы, и я, дура старая, прихватила мужские брюки. Хорошо костюмерную закрыть не успели! Смотрю, идет по коридору артист в белых трусах...

– Мама!

– Молчу-молчу. – Старуха взяла ложку и подложила Дайнеке салата.

Поковыряв его вилкой, она сказала:

– Здесь что-то не складывается...

– Что именно? – спросил Витольд Николаевич.

– Уголовное дело возбуждено не было.

– Для его возбуждения нужны факты, подтверждающие, что в отношении пропавшей были совершены противоправные действия.

– Их не было, – согласилась Дайнека. – Художественный руководитель Дома культуры видел, как она села в машину, на заднем сиденье которого лежал большой чемодан.

– Все ясно, – прокомментировал Витольд Николаевич. – Девчонка просто сбежала с каким-то молодчиком.

– Ее объявили в розыск.

– Обычная практика.

Дайнека строго оглядела всех, кто сидел за столом, будто призывая обратить особое внимание на то, что она сейчас скажет.

– Худрук сообщил, что в руках Свиридовой была сумочка. На самом деле сумка вместе с паспортом тридцать лет пролежала в ящике со сценическим реквизитом.

Людмила Николаевна робко предположила:

– Выходит, девушка уехала без паспорта и без сумки... – и помолчав, добавила: – Или вообще не выходила из Дома культуры.

– Думаешь, ее убили? – спросила Надежда.

– Глупостей не говорите! Дело к ночи, – вмешалась Мария Егоровна и стала раскладывать по тарелкам второе, – давайте лучше поедим!

Откусив кусок котлеты, Дайнека продолжала:

– Сегодня я говорила с Сопелкиным и побывала у матери девушки.

– Сопелкин?.. – Витольд Николаевич прищурился, будто что-то припоминая. – Не тот ли Сопелкин, что работал в Доме культуры?

– Это он видел, как уезжала Свиридова.

– Хорошо его знаю, человек ненадежный.

У Дайнеки мелькнула мысль, от которой похолодел кончик носа.

– А что, если он не видел, как она уезжала? Или видел, но что-то другое?

– И нарочно соврал, чтобы не возбуждали уголовное дело... – подхватила Надежда.

– А вдруг и того хуже... – Мария Егоровна осенила себя крестом. – Не он ли ее убил?

– Ну-у-у... Пошла писать губерния! – Витольд Николаевич поднялся из-за стола и прошелся по комнате. – Угмонитесь, сороки!

Дайнека вздохнула.

– Очень жалко ее мать. Она придумала сказку, что дочь уехала на юг и там хорошо устроилась. Я хотела отдать ей сумку и паспорт, но не смогла. Пусть себе верит, если ей так легче жить.

Людмила Николаевна погладила дочь по руке и ласково прошептала:

– Милая моя деточка...

Витольд Николаевич спросил:

– Где сейчас эта сумка?

– У меня.

– Можешь показать?

Дайнека встала, вышла в прихожую и принесла Кораблеву сумку. Он взял, щелкнул замочком и высыпал на стол все ее содержимое. По скатерти покатилась помада, брякнули спички, выпали платок и старый червонец.

– Тысячу лет таких не видала. – Надежда взяла десятирублевую купюру и зачем-то проверила на просвет. Убедившись, что водяные знаки на месте, вернула бумажку на стол.

Витольд Николаевич обратился к жене:

– Принеси, пожалуйста, ножницы.

– Зачем? – удивилась та.

– Не спрашивай. Принеси!

Мария Егоровна проковыляла к буфету, нашла ножницы и отдала мужу. Он вывернул из сумки подкладку и резким движением вспорол ветхую ткань. Вынул картонку, отшвырнул в сторону и запустил внутрь руку. После чего вытащил заполненный бланк.

– Что это?! – вскрикнула Дайнека.

– Билет на самолет, – произнес Кораблев.

– А почему он такой?

– Раньше кассиры их вырывали из книжечки и заполняли вручную.

– На чье он имя?

Витольд Николаевич взглянул на билет и сообщил:

– На имя Свиридовой Елены Сергеевны. Десятого апреля тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года она должна была улететь в Сочи.

– Но ведь тогда она еще не окончила школу... – напомнила Дайнека.

– По-видимому, окончание школы не входило в ее планы. Или же она собиралась вскоре вернуться. – Кораблев еще раз пошарил рукой под подкладкой. – Но только обратного билета здесь нет.

– Она хотела стать артисткой, – сказала Дайнека.

– Судя по тому, что мы видим, она ею стала, – Витольд Николаевич только развел руками.

– И что нам теперь делать?

– Кажется, в полиции тебе ясно дали понять, что их это дело не интересует.

– А что делать с билетом?

– Слетать в Сочи по нему уже не получится...

– Может быть, все рассказать Труфанову?

– Никто не будет заниматься делом тридцатилетней давности.

– Они обязаны это сделать! – возразила Дайнека.

– Обязаны, но не будут, – ответил ей Витольд Николаевич. – Тебе нужно забыть об этом и жить дальше.

Мария Егоровна начала собирать посуду. Между делом сварливо проговорила:

– Впутали в историю бедную девочку, теперь разбирайся...

Дайнека подошла к столу и взяла в руки тарелки.

– Мария Егоровна, могу я вас попросить?

– О чем?

– Позвольте мне поработать еще пару дней. Послезавтра – отчетный концерт. Вам пока нельзя напрягаться, а мне хочется поучаствовать.

Мария Егоровна посмотрела на Людмилу Николаевну, как будто спрашивая ее разрешения. Та развела руками:

– Ну, если так хочет, пусть поработает.

Глава 10. Подготовка к концерту

Перед отчетным концертом Дайнеке пришлось как следует потрудиться. В костюмерную то и дело заглядывали участники самодеятельности, примеряли костюмы, и каждому из них нужна была помощь. Как и предупреждала Валентина Михайловна, пришлось зашивать дыры, укорачивать юбки, застирывать пятна и подбирать по размеру обувь.

У каждого танцора был свой холщовый мешок, в котором хранились костюмы для каждого танца. Это упрощало работу костюмеров. Трудней всего пришлось с артистами драмтеатра. Сцена из спектакля была исторической, однако для героини не удалось подобрать платье конца позапрошлого века.

Вздыхнув, Валентина Михайловна проговорила:

– Придется идти к театралам.

– Что это значит? – спросила Дайнека.

– В городе есть профессиональный Театр оперетты. На их складе хранятся костюмы от старых спектаклей. Наверняка что-нибудь подберем.

В дверь заглянул завхоз Геннадий Петрович Сопелкин.

– Надо бы и мой костюм отыскать.

– Вы тоже будете выступать? – удивилась Дайнека. – В каком жанре?

– Геннадий Петрович чечеточник, – Валентина Михайловна залезла на второй ярус хранилища и подала оттуда блестящий сиреневый костюм.

Сопелкин забрал его и горделиво пояснил:

– Отбивая чечетку, я исполняю песню, которую сочинил сам.

– Про наш Дом культуры, – добавила Валентина Михайловна.

– Талантливый человек талантлив во всем, – Дайнека воздала должное бывшему худруку.

– Прошу найти мои туфли, – напомнил Геннадий Петрович.

Валентина Михайловна спустилась вниз, открыла сундук и вынула голубые штиблеты с железными пластинами на подошвах.

– Премного вам благодарен! – Сопелкин сунул ботинки в мешок и повесил его на плечо.

– А теперь вы помогите нам, Геннадий Петрович. – Костюмерша показала ему заявку. – Нужен грим, стиральный порошок и растушевки.

– Много берете, – начальственно заметил чечеточник, однако заявку забрал. После чего удалился из костюмерной в сопровождении Валентины Михайловны.

От усталости Дайнека рухнула на мешок, стоящий в углу, и обвела взглядом всю костюмерную. Ей в голову пришла парадоксальная мысль: хранилище старых театральных костюмов – больше чем склад. Это собрание человеческих жизней, прожитых актерами на подмостках. Висят эти жизни рядами в два этажа. На

плечиках, будто на человеческих плечах, покоятся высокие чувства, страсти, любовь и черные замыслы театральных злодеев. Здесь, как в жизни, не сразу поймешь, кто есть кто. За белоснежным жабо и пышными рукавами может скрываться убийца, а за простым черным камзолом – человек с большой буквы «Ч».

Другое дело – костюмы для танцев. Здесь все на поверхности. Взглянул – и сразу ясно, русский плавный или молдавский зажигательный. Общее только одно: ото всех жутко разит потом, поэтому лишний раз трогать их руками не хочется. Но только не тогда, когда проходит инвентаризация. Здесь, будь любезен, разбери все до последней нитки!

Что касается реквизита, его перебирать интересно. Фанерные сундуки заполнены всякой всячиной. В них лежат турецкие ятаганы, короны из разноцветной фольги, дамские веера, окорока, печеные пироги и жареные поросята. Окорока, пироги и поросята, разумеется, не настоящие, они сделаны из папье-маше. Их уже не раз использовали в театральных пирушках, и они возвращались в свои ящики, слегка облупившись и потеряв былой лоск.

За этими размышлениями Дайнеку застала Валентина Михайловна. Она принесла две пачки стирального порошка. Отряхнув серый халат, сняла его и аккуратно сложила. Потом достала расческу с длинным острым концом и поправила старомодный начес.

– Ну что ж... Идем на склад к театралам.

Склад опереточных костюмов располагался на окраине города. Валентина Михайловна и Дайнека отправились туда пешком. По дороге выяснилось, что общих тем для беседы у них нет, а общие фразы быстро закончились.

Тем не менее идти молча было неловко, и Валентина Михайловна решила провести время с пользой: рассказать Дайнеке об истории создания города.

Сначала девушка слушала скорее из вежливости, но потом увлеклась. Заметив ее интерес, Валентина Михайловна стала грести шире:

– По существу, сам город и секретный подземный завод, на котором сейчас работают большинство горожан, строили узники ГУЛАГа. В начале пятидесятых

здесь, посреди тайги, создали исправительно-трудовой лагерь «Гранитный» и согнали в него заключенных.

– Почему он так назывался? – спросила Дайнека.

– Это мне неизвестно. Может быть, потому, что завод строили в скальном массиве, внутри огромной горы. Тогда же, в пятидесятых, сюда приехало много вольнонаемных. Выпускники горных вузов, проходчики, взрывники, метростроевцы. Многие из Питера, из Москвы. Ты только представь: горные выработки, которые сделали под завод, по величине сопоставимы с московским метро! И вся эта громада располагается на глубине триста метров.

– Зачем же так глубоко?

– Строили так, чтобы сооружение выдержало ядерный удар. – Валентина Михайловна со значением подытожила – Для поддержания оборонной мощи страны.

За разговорами они незаметно подошли к зданию, где хранятся костюмы. Театр оперетты был на гастролях, но в складе осталась одна костюмерша, женщина на последнем сроке беременности. Она впустила их в огромный ангар, заполненный двухэтажными стойками, на которых плотно висели костюмы. Порывшись, Светлана Михайловна отыскала серое кружевное платье. К нему прилагалась сумочка, затянута шнурком, словно кисет. При ближайшем рассмотрении кружева оказались дешевой сеткой с каплями прилипшей краски. Однако с расстояния в несколько метров они смотрелись божественно.

Отдав платье Дайнеке, Валентина Михайловна отправила ее в Дом культуры. При этом вручила ключ от костюмерной и предупредила, что завтра на работу нужно будет явиться к семнадцати часам и, возможно, им обеим придется задержаться до полуночи. Сама Валентина Михайловна отправилась в поликлинику.

По возвращении в Дом культуры Дайнека повесила платье на стойку, осмотрела его и решила, что оно в приличном состоянии и его не нужно застирывать. А поскольку работы больше не было, она повесила на дверь костюмерной замок и устроила себе экскурсию.

Здание Дома культуры, по-видимому, возводилось в пятидесятых, когда строился весь город. И если на этой стройке тоже работали зэки, то среди них были первоклассные мастера. Центральное фойе сияло двойным светом. Окна – в два этажа. Хрустальная с бронзой люстра могла бы дать фору дворцовым, а лакированные перила из натурального дуба в бельэтаже опирались на балясины из белого гипса. Пройдя мимо сорок четвертого кабинета, Дайнека вернулась и увидела табличку: «Народный драматический театр». Дернула ручку – закрыто, спустилась на первый этаж и зашла в методкабинет.

– Здравствуйте.

У шкафов стояла крепкая женщина и поливала из банки цветы.

– Здравствуйте. – Она обернулась. – Вы – участница?

– Временно работаю костюмером.

– А я методист, меня зовут Ираида Ефимовна, – она отставила банку.

– Дайнека.

– Это фамилия. А имя?

– Людмила.

– Замещаете Марию Егоровну?

– Да, на время болезни. Перед отчетным концертом много работы.

– Это да. – Ираида Ефимовна уселась за стол, достала какие-то фотографии и большущий альбом. – Концерт завтра вы обслуживаете?

– Вместе с Валентиной Михайловной.

– Работы будет немало.

- Сегодня мы с ней за платьем ходили. Для артистки из Народного драмтеатра.
- А я как раз их фотографии в альбом клею.
- И этот альбом весь про них?
- Здесь вся история Народного театра в фотографиях.
- Можно посмотреть?

Ираида Ефимовна удивленно спросила:

- Вам действительно интересно? - Она захлопнула альбом и отодвинула его от себя. - Пожалуйста.

Дайнека села рядом и стала энергично переворачивать кортонные листы.

- Так быстро... - заметила методистка.
- Мне нужен восемьдесят третий - восемьдесят четвертый год.
- Зачем?

Дайнека доверительно сообщила:

- Хочу посмотреть на одну девушку.
- Скажите, кого, и я вам найду.
- Свиридову Елену Сергеевну.

Ираида Ефимовна нашла нужный снимок и ткнула в него пальцем.

- Вот она.

Навалившись всем телом на стол, Дайнека вгляделась в лицо девушки. На групповом снимке ее обнимал бородатый мужчина.

– Кто это рядом с ней?

Ираида Ефимовна подняла очки, висевшие на шнурке, и поднесла к глазам.

– Это Олег Николаевич Михненко. – Она перевела взгляд на Дайнеку. – Вы не здешняя?

– Почему вы спросили?

– Ну, если не знаете нашего мэра...

– Тогда он еще не был мэром?

– Конечно, нет! В то время он был вторым секретарем в городском комитете комсомола.

– Вторым? – Дайнека приподняла бровь. – А сколько их было всего?

– Кажется, три.

– Как смешно, целых три комсомольских начальника на такой маленький город. У них со Свиридовой были какие-то отношения? Почему на фотографии он ее обнимает?

– Этого я сказать не могу. Не знаю.

Дайнека поочередно тыкала пальцем в снимок, и методистка рассказывала о тех, кого знала. Наконец она сообщила:

– Наш режиссер, Альберт Иванович Романцев.

– Он еще работает в Доме культуры?

– Нет. Лет пять, как ушел.

– И где он теперь? – спросила Дайнека.

– В доме для престарелых.

– А как найти этот дом?

– Он стоит у главного входа в парк, – сказала Ираида Ефимовна. – Пройдете по улице Ленина до упора. Там спросите.

– Думаете, меня туда пустят?

– Можно вопрос? А почему вас интересуют Свиридова, мэр и наш режиссер?

Дайнека с воодушевлением соврала:

– Меня интересует творчество драмтеатра. Хочу написать статью. А назову ее так: «Традиции неподвластны годам».

– Это будет красиво.

– И знаете, мне еще о многом нужно вас расспросить. Но не сейчас. Сейчас я пойду к Романцеву.

Возвращаясь в костюмерную за своей сумочкой, Дайнека проследовала по всему сплетению коридоров, свернула за сцену и оказалась в запаснике, где хранились старые декорации. Здесь было темно, пахло краской, пылью и застоявшимся воздухом. В самом темном углу высился золоченый трон, рядом – статуя Аполлона. До костюмерной оставалось несколько метров, и Дайнека приготовила ключ, как вдруг Аполлон покачнулся, и кто-то цепко схватил ее за руку.

– В чем дело? – произнесла эти слова, она почувствовала, что душа уже находится в пятках.

- Тише... Не привлекайте внимания.
- Да здесь никого нет, - прошептала она.
- Вот и хорошо. - За Аполлоном стоял Сопелкин. Завхоз явно ему проигрывал.
- Что вам нужно? - спросила Дайнека.
- Предупредить. - Он перешел на шепот. - Лучше вам не ворошить эту историю.
- Вы же сами все рассказали...
- А теперь очень жалею. Если спросят - я с вами не говорил.

Дайнека почувствовала, что начинает злиться.

- Если меня спросят, я скажу, что вы не только все рассказали, но еще и нагло соврали! - проговорила она прямо в лицо Сопелкину. - У Свиридовой не было в руках сумки, когда она уезжала. И я сомневаюсь, что вы вообще ее видели.

- Тише... - прошипел Геннадий Петрович и сильно сжал ее руку.

- Мне больно! - Дайнека вырвалась, отошла на пару шагов и с вызовом предъявила: - Свиридова оставила вам свою роль. Куда вы ее дели?

- Отдал режиссеру! - Сопелкин сорвался с места и бросился к лестнице.

Дайнека прошла в костюмерную, забрала свою сумку и покинула Дом культуры через служебный подъезд. Пройдя через площадь, она направилась в сторону парка. Там, у главного входа, спросила, где дом престарелых. Прохожий указал на трехэтажное здание. Дайнека зашла в вестибюль и обратилась к санитарке в бирюзовом халате:

- В какой комнате проживает Романцев?

- Артист? - уточнила старуха.

– Режиссер.

– В двести четвертой. Подниметесь на второй этаж, там сразу направо. На двери список жильцов.

– Их много? – удивилась Дайнека.

– Двое. Больше у нас не кладут.

Когда она подошла к лестнице, нянечка крикнула:

– Наденьте бахилы!

На двери двести четвертой палаты была прибита табличка: «Романцев, Иванов». Постучав, Дайнека заглянула в палату:

– Здравствуйте... Можно войти?

– К кому? – спросил надтреснутый голос.

– К Романцеву Альберту Ивановичу.

С кровати приподнялся худой старик и обшарил взглядом ее руки и сумку. Она сообразила, что пришла без гостинцев, однако дело было в другом.

– Сигарет принесла? – спросил Романцев.

– Я не подумала...

– Из Дома культуры?

Она удивилась:

– Откуда вы знаете?

– Ко мне ходят только оттуда. Неужели тебе не сказали, что мне нужны сигареты?

Альберт Иванович раздражался больше и больше, и когда Дайнека спросила, как на это смотрят врачи, закричал:

– А мне плевать, как они смотрят! Я просто хочу курить!

Она вылетела из палаты, а потом из подъезда как пуля. Не снимая бахил, кинулась в магазин, купила блок сигарет, сок и печенье и со всем этим вернулась в палату. Схватив блок сигарет, Романцев тут же его распечатал, достал одну пачку, вытащил сигарету и сел на кровать. Подождав, пока он закурит, Дайнека все же спросила:

– Вам разрешают курить?

– А я ни у кого не спрашиваю.

За дверью брякнуло ведро, и он быстро затушил сигарету. В комнату заглянула уборщица.

– Опять куришь? Вот я скажу доктору...

– Говори! – крикнул Романцев и демонстративно прикурил новую сигарету.

Уборщица сердито прикрыла дверь, неодобрительно проворчав:

– Артист...

– Альберт Иванович, – заговорила Дайнека. – Помните Елену Свиридову?

– Леночку? – Он пыхнул дымом. – Помню, и хорошо. Она пропала в пятницу, а в воскресенье у нас был выездной спектакль. Пришлось ставить Ирину Маркелову, и это была вселенская катастрофа.

– Почему?

– Потому что Маркелова – бездарь.

– Зачем же таких держать?

– Затем, что в социалистическом обществе у всех были права. Участник занимается в коллективе, режиссер – будь любезен, обеспечь его ролью.

– Кстати, о роли. Вы, конечно, не вспомните, но я все же спрошу. После того как исчезла Свиридова, Сопелкин отдал вам ее роль?

– Нет.

– Но как вы запомнили? Прошло тридцать лет.

– Очень просто. В то время компьютеров не было. Чтобы ввести замену во второй состав, вместо Маркеловой, мне пришлось самому печатать роль на машинке.

– Значит, не отдавал...

– Теперь это не имеет никакого значения, – покуривая, заметил Романцев.

Дайнека пожала плечами.

– Действительно, никакого. Кроме того, что он еще раз наврал.

– И это неудивительно: Сопелкин – редкий прохвост.

– Вы второй человек, кто так говорит...

– Что подтверждает мои слова. – Альберт Иванович задумчиво улыбнулся. – А знаете, я хорошо помню тот вечер. Ах, как она репетировала! Как Свиридова была хороша!

Пятница, 6 апреля 1984 года

Произнося текст, Лена Свиридова куталась в русский платок и прижимала к груди сжатые кулачки.

– Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят, уставилась на жениха, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья так и полились. Жалко мне ее стало, подошла я к ней, чтобы разговорить да увести поскорее. И сама-то плачу...

Дверь открылась, в кабинет заглянул Геннадий Петрович Сопелкин.

– Не помешаю, Альберт Иванович?

Кульминационный момент сцены был уничтожен. Романцев устало вздохнул.

– Проходите, Геннадий Петрович.

Сопелкин зашел и сел не куда-нибудь, а на стул режиссера.

«Сиди, черт с тобой», – подумал Романцев и подал знак продолжать: – Пошла Глафира Фирсовна!

– Дешевы слезы-то у вас, – сказала старуха в длинной, до пола, юбке.

– Уж очень тяжело это слово-то – «прощай». Я было сама умерла, – ответила Свиридова. – Ведь это хуже, чем похоронить...

Романцева прорвало:

– Лена! Свиридова! Ты пропустила целый кусок! После слов «я было сама умерла» идет фраза: «А каково сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить». Нельзя так вольно обращаться с текстом Островского! Пожалуйста, повтори последнюю фразу!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Подробности в книге «Подвеска Кончиты».

2

Контрольно-пропускной пункт.

3

Впадина под глазом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/anna-knyazeva/kol-co-s-tremya-amurami>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)